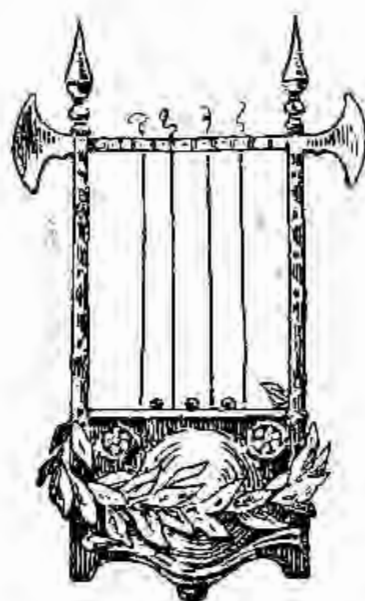

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

Чеховъ.

Основные моменты его произведений.

Ю. Айхенвальдъ.

Чеховъ.

Основные моменты его произведений.

Кончина Чехова произвела на многих впечатлѣніе семейной потери, — до такой степени роднилъ онъ съ собою, плѣняя мягкой властью своего таланта. Изъ тонкихъ нитей сплеталъ онъ въ своихъ рассказахъ человѣческія души; въ свои миниатюры онъ вмѣстилъ все глубокое содержаніе жизни и обвѣялъ его дыханіемъ проникновенной элегіи. Какъ одинъ изъ героевъ, жившій въ чудномъ саду, онъ былъ царь и повелитель нѣжныхъ красокъ. Писатель оттѣнковъ, онъ улавливалъ почти незамѣтныя переживанія сердца; ему былъ доступенъ самый ароматъ чужой души. Вотъ почему его такъ трудно анализировать, — нельзя, да и грѣшно разбирать по ниточкамъ драгоцѣнную ткань его произведений: это разрушило бы ее, и мы сдунули бы золотистую пыль съ крылышекъ мотылька. Чехова меньше чѣмъ кого-либо расскажешь: его надо читать, и, читая, мы какъ бы пьемъ его строки, мы боимся пропустить въ нихъ хотя бы единое слово, потому что, несмотря на свою простоту, — правда, дорогую и благородную, оно содержитъ въ себѣ художественный штрихъ наблюдательности, необыкновенно смѣлое и поэтичное олицетвореніе природы или вещей, удивительную человѣческую деталь.

Онъ тѣмъ болѣе держитъ читателя въ плѣну своего тонкаго письма, что психологическая сила скорби и грусти, которой оно проникнуто, велика и своеобразна. Грусть неотразима. Она всегда права. Когда радость придетъ къ вамъ, вы можете ее не принять, и она исчезнетъ, спугнутая горемъ, которое живетъ кругомъ и внутри каждаго изъ насъ. Но когда грусть постучится въ наше сердце, оно непременно откроется для нея, и она ласково обниметъ насъ и заговоритъ, и отъ ея прикосновенія зарождаются тихія слезы. Такъ именно подходитъ къ сердцу Чеховъ: можно ли отказывать ему въ гостепріимствѣ?

Для его грусти характерно то, что сперва она звучала у него лишь мимолетной и робкой нотой и къ ея преобладанію онъ пришелъ отъ яркаго комизма, который, впрочемъ, никогда не покидалъ его и потомъ. Чеховъ писалъ въ *Осколкахъ*, въ *Стрекозѣ*; онъ началъ анекдотомъ. Человѣкъ, который прежде такъ смѣялся и такъ смѣшилъ, въ послѣдствіи поднялся на самыя вершины горя и создалъ страницы, полныя черной тоски. Конечно, по существу здѣсь нѣтъ ничего поразительнаго. Глубокому духу скоро открывается внутреннее сродство между смѣшнымъ и скорбнымъ, и Чеховъ только повиновался своей стихійной глубинѣ. Несоотвѣтствіе между идеей и ея проявленіемъ въ одинаковой степени можетъ быть послѣднимъ источникомъ какъ смѣшного, такъ и трагическаго. Нелѣпныя слова, которыя не покрываютъ своихъ понятій, безсмысленные поступки, внезапныя измѣненія хамелеона житейскихъ ситуацій, когда, напримѣръ, въ странной группировкѣ человѣческихъ фигуръ встрѣча „толстаго“ и „тонкаго“ принимаетъ столь неожиданный оборотъ,—все это вызываетъ улыбку. И она сама по себѣ является великой разрѣшительной силой и производитъ нравственно-очищающее дѣйствіе. Но когда ненужное, нестройное, неблагообразное заполняетъ всѣ поры существованія, когда нелѣпица разрастается въ несчастье и своей каррикатурой вытѣс-

няетъ правильныя линіи жизни, тогда одного смѣха уже недостаточно, и онъ естественно переходитъ въ скорбь. Смѣхъ, это — признакъ превосходства; силы, въ немъ есть нѣчто божественное, и на вершинахъ Олимпа громовыми раскатами звучалъ гомерическій смѣхъ боговъ. Но боги могли смѣяться надъ другими, надъ бѣдной землей и ея смертными обитателями, а мы обречены высмѣивать только себя. И горько намъ служить объектомъ смѣшного. Какая драма — быть хотя бы тѣмъ чеховскимъ чиновникомъ, который умеръ отъ генеральскаго гнѣва! Смѣхъ очищаетъ, и потому его признаютъ за желанный и положительный моментъ духа; но смѣшное — явленіе отрицательное, явленіе горестное. Отъ великаго до смѣшного — одинъ шагъ, и потому смѣшное печально. Такъ знаменательно, что фізіологическій смѣхъ на своей высотѣ разрѣшается въ плачъ. За смѣшного человѣка обидно, потому что онъ — вырожденіе великаго, вырожденіе человѣческаго. Какъ бы невинна ни была его комичность, но всякое смѣшное дѣйствіе не есть ли все-таки посягательство и грѣхъ противъ Дѣла (*im Anfang war die That*) и всякое смѣшное слово не есть ли посягательство и грѣхъ противъ Слова? Смѣшное не можетъ быть сущностью человѣка, не можетъ быть сердцевиной чего бы то ни было. Смѣшное временно, — проникновенный взглядъ идетъ дальше его. Какъ Поликрать боялся того постояннаго праздника, который праздновала его душа, какъ онъ для умиловленія небесной зависти жаждалъ печали, такъ и смѣющийся почувствуетъ наконецъ тревогу и раскаяніе въ томъ, что онъ забылъ серьезное міра, и тѣмъ внимательнѣе и вдумчивѣе обратится онъ къ серьезному. Правда, улыбка не оставитъ его, и въ грусти, которая его осѣнитъ, все же будетъ слышенъ свойственный ей слабый отголосокъ радости, сладости...

И Чеховъ обратился къ серьезному. На чемъ бы ни останавливался онъ взглядъ своихъ задумчивыхъ глазъ, все принимало для него очертанія скорби. Миѳическій

царь безумно выпросилъ себѣ у боговъ коварный даръ своимъ прикосновеніемъ все обращать въ золото: и золотымъ слиткомъ становился для него хлѣбъ насущный. Чеховъ такого дара не просилъ, онъ его не хотѣлъ, онъ жаждалъ радости и жизни, — но поневолѣ претворялъ онъ жизнь въ золото грусти, въ осеннее золото увядающихъ листьевъ. Даже картины чарующія, даже благословенное появленіе красоты разрѣшаются у него мелодіей печали. Дважды мелькнули передъ нимъ прекрасныя женскія лица, но онъ испытывалъ „не желанія, не восторгъ, а тяжелую, хотя и пріятную грусть“. Ему становилось жаль и самого себя, и красавицы, и тѣхъ, кто ее окружалъ, точно они навсегда „потеряли что-то важное и нужное для жизни“. Онъ смутно помнилъ, что „капризная красота осыпается какъ цвѣточная пыль“, и онъ переживалъ то „особенное чувство“, которое пробуждается въ человѣкѣ отъ созерцанія настоящей красоты. И никогда не покидало его это платоновское воспоминаніе, эта свѣтлая печаль о далекой сферѣ идеала. И воспоминаніе вообще, его чары и его муки, имѣетъ очень важную долю во всемъ творчествѣ Чехова, нерѣдко образуетъ главный колоритъ и настроеніе его рассказовъ. Наши дни проходятъ, и проходя, они оставляютъ въ душѣ свои смутные, слитные образы, и человѣкъ — по свидѣтельству Чехова, особенно русскій человѣкъ — любитъ вглядываться въ эти рѣющіе призраки былого, предпочитая ихъ пестротѣ и шуму текущаго дня. „Что пройдетъ, то будетъ мило“ и будетъ ласкать и печалить своей невозвратимой прелестью. „Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплыя ночи, пѣли соловьи, пахло сѣномъ — и все это, милое, изумительное по воспоминаніямъ, у меня, какъ у всѣхъ, проходило быстро. безслѣдно, не цѣнилось и исчезало, какъ туманъ... Гдѣ все оно?“

Если въ роковомъ увяданіи нашей жизни воспоминаніе молодого и ранняго само по себѣ волнуетъ

грустью, то противоположность между счастливым прошлымъ и скорбью настоящаго совѣмъ уже разрываетъ сердце на части. И въ ссѣлкѣ, сыроу, холодною ночью, на рыжемъ глинистомъ берегу ворчащей рѣки, неутѣшно рыдаетъ молодой татаринъ, вспоминая свою родную Симбирскую губернію, свою Волгу, свою красивую, застѣнчивую жену, которая будетъ теперь „ходить по деревнямъ съ открытымъ лицомъ и просить милостыню“. Или безсрочно-отпускной рядовой Гусевъ умираетъ въ чуждыхъ водахъ Тихаго океана, и въ бреду грезится ему родная деревня на сѣверѣ („Боже мой, въ такую духоту какое наслажденіе думать о снѣгѣ и холодѣ!“); вспоминаются ему дѣтн-племянники, катающіеся на саняхъ, дѣвочка Акулька, которая распахнула шубу и выставила ноги: „глядите, молъ, люди добрые, у меня не такіе валенки, какъ у Ваньки, а новые“...

Обильный выборъ несчастья и горя представляетъ собою жизнь, отраженная въ книгахъ Чехова. Онъ показалъ ее какъ смѣшное, какъ печальное, какъ трагическое. У него есть ужасы внѣшняго сцѣпленія событій, капризные и страшныя выходки судьбы; у него еще больше внутренняго драматизма, который имѣетъ свой источникъ хотя бы въ тяжеломъ характерѣ человѣка, — напримѣръ, въ злобной скупѣ того мужа, который запретилъ своей женѣ танцовать и увезъ ее домой въ разгарѣ шумнаго уѣзднаго бала. Вообще, вовсе не должна разразиться какая-нибудь особая катастрофа, какая-нибудь „воробьиная ночь“ жизни, вовсе не должно произойти особое несчастье, для того чтобы сердце загрустило. Чеховъ больше за-нятъ статикой жизни и страданія, чѣмъ ихъ бурной динамикой. Въ самомъ отцвѣтаніи человѣческой души, въ неуклонномъ изсякновеніи нашихъ дней таится неизсякаемый родникъ печали, и развѣ это не горе, что студентъ Петя Трофимовъ, недавно такой цвѣту-щій и юный, теперь носить очки и смѣшонъ, и невзраченъ, и всѣ говорятъ ему: „отчего вы такъ подур-

нѣли? отчего постарѣли“? И страница за страницей, рассказъ за рассказомъ тянется эта безотрадная панорама, и теперь, когда полное собраніе сочиненій Чехова, въ такомъ странномъ сосѣдствѣ съ „Нивой“, сотнями тысячъ экземпляровъ проникло въ самые отдаленные углы русскаго общества и сотни тысячъ разъ повторилась участь рядового Гусева, подѣ котораго нехотя и лѣнливо подставляетъ свою пасть акула, многіе, вѣроятно, почувствовали испуганное недоумѣніе и страхъ передъ кошмаромъ обыденности. Вотъ, напри-
мѣръ, люди сидятъ и играютъ въ лото, и вдругъ раздается выстрѣлъ: это лопнуло что-нибудь въ походной аптекѣ или это разбилось человѣческое сердце. И есть даже что-то непривлекательное и жуткое въ той, на первый взглядъ, меланхолической равномерности, въ той привычкѣ, съ которою Чеховъ одинъ за другимъ выпускалъ свои темные снимки міра. Безъ конца—только смерть положила конецъ—рисовать онъ эти страшные образы, и его глаза, раскрытые на ужасъ, какъ будто сами не ужаснулись, только отуманились. Если видишь то, что видѣлъ Чеховъ, нельзя быть спокойнымъ. Хочется крикомъ отчаянія прорѣзать эту невозмутимую тишину, это безстрастіе, съ которымъ художникъ тщательно и мастерски воспроизводитъ безконечныя перспективы скорби, всю человѣческую боль. Если міръ таковъ, то съ нимъ нельзя примириться, и надо биться головой объ этотъ „унылый, окаянный“ сѣрый заборъ съ гвоздями, который окружаетъ не только палату № 6, но и всю земную дѣйствительность. „Человѣческой“ талантѣ, „тонкое, великолѣпное чутье къ боли“, соприкосновеніе ужасу—все это обязываетъ: исполнилъ ли Чеховъ свое обязательство? Студентъ Васильевъ, когда увидалъ „живыхъ женщинъ“, которыхъ продаютъ, покупаютъ, убиваютъ, перенесъ мучительный припадокъ, — онъ рыдалъ, терзался, онъ едва не сошелъ съ ума: острой болью охватило его недоумѣніе передъ равнодушной неправдой жизни, передъ спокойствіемъ этого снѣга, который

своими бѣлыми, молодыми пушинками такъ же весело падаетъ въ развратный переулокъ, какъ и во всѣ остальные улицы міра. Но затѣмъ товарищи, которые совѣтовали ему „объективно смотрѣть на вещи“, и „полный, бѣлокурый“ докторъ, прописавшій ему бромистый калий, успокоили, вылѣчили его; полегчало Васильеву, и онъ „лѣнливо поплелся къ университету“. Онъ будетъ теперь лѣнливо плестись по жизни, и больше съ нимъ не случится припадка, больше онъ не будетъ въ отчаяніи. Онъ привыкнетъ, какъ это и рыдавшему въ ссылкѣ татарину жестоко предсказывалъ его привыкшій товарищъ. Если Васильевъ изъ лучшихъ, онъ уже не станетъ самъ ходить въ ужасный переулокъ, который онъ проклиналъ, но все же будетъ свидѣтелемъ того, какъ ходятъ въ него другіе и какъ „смоленскіе бухгалтеры“ посылаютъ въ него все новыя и новыя партіи женщинъ. И даже въ общемъ контекстѣ чеховскаго міросозерцанія можно прочесть, что и самъ Васильевъ, пожалуй, въ зловѣщій переулокъ еще и еще пойдетъ... Онъ привыкнетъ.

И мы проклинали бы, трижды проклинали бы „замѣну счастья“, миролюбивую привычку, если бы это только она тушила въ людяхъ припадки состраданія, чуткую впечатлительность къ добру и злу. Но то, что сохраняетъ людей для міра, и то, что сохранило въ Чеховѣ спокойствіе, необходимое для поэтического творчества, это, въ конечномъ основаніи, сила жизни, сила любви и солнца, которое побѣждаетъ и разсѣиваетъ всѣ тягостные фантомы ночи. Только эта врожденная привязанность къ солнцу, источнику живого, и можетъ объяснить, почему Чеховъ, почему другіе писатели скорби впитали ее въ себя, но не изнемогли отъ нея. Любовь сильнѣе смерти. И она, любовь, просвѣчиваетъ сквозь ту объективную строгость, которою облекаетъ Чеховъ свои произведенія. Онъ часто рассказываетъ неумолимо и холодно — вспомните, напримѣръ, поразительный тонъ „Старого дома“. Но этимъ художникъ только даетъ свой суровый отвѣтъ суровой дѣйстви-

тельности, передъ которой онъ не хочетъ сдаваться. Онъ словно говорить ей: „Ты насылаешь невзгоды и несчастья, ты смѣешься и коварно сплетаешь для людей такія сѣти ужасовъ, отъ которыхъ стынетъ кровь въ жилахъ,—но я не буду сѣтовать и содрогаться, и я повѣдаю объ этомъ спокойно. Того, что происходитъ въ глубинѣ моего сердца, я не покажу тебѣ: это не твоя забота, не твое дѣло. Быть можетъ, въ меня и въ моихъ ближнихъ, какъ въ Лаокоона, впиваются твои змѣи, но я останусь спокоенъ, какъ это подобаешь художнику, подобаешь творцу. И если тѣни и тѣни ложатся на мое блѣднѣющее лицо, это не твоя забота, не твое дѣло. Я буду спокоенъ до послѣдняго дыханія и безъ жалобъ и слезъ расскажу о тебѣ другимъ. Ты меня не удивишь, и я мужественно приму твои отравленные дары, твои смертоносные удары: величіе моего сознанія и моей художественной мощи я противопоставлю твоей жестокости“. Подъ слоємъ этого эпического спокойствія тлѣетъ однако глубокій, цѣломудренный лиризмъ, и даже онъ сказывается нерѣдко въ самой формѣ изложенія, въ какомъ-нибудь задумчивомъ восклицаніи: „о, какая суровая, какая длинная зима!“ Вообще, удивительное сочетаніе объективности и глубоко-интимнаго настроенія составляетъ самую характерную и прекрасную черту литературной манеры Чехова,—этихъ сжатыхъ рассказовъ, гдѣ человѣческое такъ сконденсировано.

„Однозвучный жизни шумъ“ томилъ Чехова, и онъ воспроизвелъ его въ своемъ художественномъ откликѣ. Эта жизнь часто рисовалась ему въ видѣ движенія или дороги: приходятъ и уходятъ поѣзда, уѣзжаютъ, пріѣзжаютъ люди, посѣщая, покидая свои усадьбы, дома съ мезонинами, новыя дачи; мелькаютъ города и станціи, звенятъ колокольчики. Иногда жизненная поѣздка весела, отрадна, сулитъ что-то въ будущемъ, но чаще она обманываетъ, и есть въ ней сила гнетущая и фатальная. Алехинъ долго тайлъ отъ любящей и любимой женщины свое чувство,—и вотъ, наконецъ,

онъ признается ей въ своей любви, и цѣлуетъ ее, и плачетъ („о, какъ мы были съ ней несчастны!“); и съ жгучей болью въ сердцѣ понялъ онъ, какъ ненужно и мелко было все то, что мѣшало имъ любить другъ друга, — но уже поздно, поздно, и черезъ мгновенье поѣздъ унесетъ ее далеко, унесетъ на вѣки; жизнь двинется дальше, она не ждетъ, и первый поцѣлуй останется послѣднимъ. Сладкое счастье любви уже такъ близко коснулось молодого путника, и онъ уже обнялъ женщину, очарованную его бѣлокурой головой, — но властно зоветъ его жизненное путешествіе, и на порогѣ показался ямщикъ, и надо изъ теплой комнаты опять двинуться въ снѣжную дорогу, подъ завыванье метели, и вотъ уже „лѣниво зазвучалъ одинъ колокольчикъ, затѣмъ другой, и звенящіе звуки мелкой, длинной цѣпочкой понесли отъ сторожки“. Надъ юношей насмѣялась жизненная поѣздка, какъ насмѣялась она въ родномъ углу надъ Вѣрой, которую поглотило „спокойное зеленое чудовище степи“. И въ той же степи, на затерянномъ полустанкѣ, тоскуетъ свидѣтель чужого передвиженія, человѣкъ, которому некуда ѣздить и передъ которымъ „женщины мелькаютъ только въ окнахъ вагоновъ, какъ падающія звѣзды“. А сельская учительница, знающая только одну дорогу — отъ школы до города, постарѣвшая, огрубѣлая, измученная своей жизнью въ избѣ, гдѣ отъ сырости потускнѣла даже фотографія матери, единственный остатокъ лучшихъ дней, — учительница ѣдетъ, ѣдетъ весеннимъ бездорожьемъ на тряской подводѣ, и лошадь входитъ въ рѣку, холодную, быструю, мутную; рѣзкій холодъ пронизываетъ Марью Васильевну, калоши и башмаки полны воды, платье и шубка мокры, подмочены сахаръ и мука. А на желѣзно-дорожномъ переѣздѣ опущенъ шлагбаумъ; со станціи идетъ-мчится ликующій, счастливый курьерскій поѣздъ. Марья Васильевна, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, смотритъ на его окна, отливающія яркимъ свѣтомъ, „какъ кресты на церкви“. „На площадкѣ одного изъ вагоновъ пер-

ваго класса стояла дама, и Марья Васильевна взглянула на нее мелькомъ: мать! Какое сходство! У матери были такіе же пышные волосы, такой же точно лобъ, наклонъ головы. И она живо, съ поразительной ясностью, въ первый разъ за всѣ эти тринадцать лѣтъ, представила себѣ мать, отца, брата, квартиру въ Москвѣ, акваріумъ съ рыбками и все до послѣдней мелочи, услышала вдругъ игру на роялѣ, голосъ отца, почувствовала себя, какъ тогда, молодой, красивой, нарядной, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, въ кругу родныхъ; чувство радости и счастья вдругъ охватило ее: отъ восторга она сжала себѣ виски ладонями и окликнула нѣжно, съ мольбой: мама! И заплакала, неизвѣстно отчего... Да, никогда не умирали ея отецъ и мать, никогда она не была учительницей, то былъ длинный, тяжелый, страшный сонъ, а теперь она проснулась... И вдругъ все исчезло. Шлагбаумъ медленно поднимался. Марья Васильевна, дрожа, коченѣя отъ холода, съѣла въ тѣлѣгу“.

Умчался курьерскій поѣздъ и унесъ съ собою призракъ матери, призракъ былого счастья, и ѣдетъ, ѣдетъ учительница на тряской подводѣ въ свою школу, гдѣ ее ожидаетъ грубый сторожъ, который бьетъ дѣтей, и грубый попечитель, котораго надо умолять о присылкѣ дровъ. Умчался курьерскій поѣздъ, и опять „длинной вереницей, одинъ за другимъ, какъ дни человеческой жизни“, тянутся вагоны товарные, и какъ будто нѣтъ имъ конца, нѣтъ конца этой медленной „гусеницѣ“.

На дорогѣ жизни между прочимъ интересуютъ Чехова люди чужого движенія, тѣ, которыхъ посылаютъ, которые заняты дѣломъ не своимъ. Характерно, что у него часто выступаютъ лишенные „обыкновеннаго, пассажирскаго, счастья“ почтальоны, кондуктора, сотскіе—всѣ эти обреченные на движеніе ради другихъ. Они въ большинствѣ относятся къ разряду хмурыхъ людей, они сердятся—„на кого они сердятся: на нужду, на людей, на осеннія ночи?“; они безчувственны къ

разговору, у нихъ холодная кровь и непривѣтливая душа, какъ непривѣтливо осеннее утро, когда солнце восходитъ „мутное, заспанное, холодное“. Эти скитальцы жизни, которымъ говорятъ: „хлѣбъ твой черный, дни твои черные“, эти перекати-поле и странники, идущіе, бредущіе, — они кошмаромъ встаютъ передъ своими болѣе счастливыми братьями, и, напримѣръ, судебному слѣдователю Лыжину ночью въ тепломъ домѣ грезится, что по снѣжной полянѣ идутъ, поддерживая другъ друга, старый сотскій и земскій агентъ, прекратившій самоубійствомъ свое безцѣльное жизненное движеніе, свое тяжелое жизненное сновидѣніе; они идутъ, соединенные общностью человѣческой судьбы, и вмѣстѣ поютъ какой-то мистическій хоралъ: „Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...“

Но въ какихъ бы формахъ ни совершалось движеніе людей, будетъ ли оно свое или чужое, отраженное, каждый изъ его участниковъ одинаково несчастенъ, и недаромъ въ сновидѣніи Лыжина въ одну пару соединены сотскій и самоубійца, нищій физическій и нищій духовный. Всѣ несчастны и всѣ чувствуютъ себя въ мірѣ безнадежно одинокими, какъ одинокъ въ степи зеленый тополь. И не всегда онъ даже зеленый: осенью онъ переживаетъ, обнаженный, страшныя ночи, „когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра“; а зимою, покрытый инеемъ, „какъ великанъ, одѣтый въ саванъ“, онъ глядитъ сурово и уныло на одинокаго путника, точно понимаетъ и собственное одиночество. Именно тогда, когда жизнь срываетъ съ насъ зеленую листву молодости и человѣку, „какъ это ни странно“, оказывается уже „пятьдесятъ одинъ годъ“, — тогда особенно думаешь о томъ „одиночество“,

которое ждётъ каждаго изъ насъ въ могилѣ“, и тогда „звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мила, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ“. Равнодушный, однообразный, глухой шумъ моря, раздававшійся и тогда, „когда еще не было ни Ялты, ни Ореанды“, говорить „о покоѣ, о вѣчномъ снѣ, какой ожидаетъ насъ“. Въ безсонныя ночи думается о холодѣ смерти; „и потемки, и два окошка, рѣзко освѣщенныя луной, и тишина, и скрипъ колыбели напоминаютъ почему-то только о томъ, что жизнь уже прошла, что не вернешь ея никакъ“. Чужое одиночество сознаетъ даже чуткая душа ребенка, и когда надъ Егорушкой въ „Степи“ склонилась прекрасная графиня Драницкая, „ему почему-то пришелъ на память тотъ одинокій стройный тополь, который онъ видѣлъ днемъ на холмѣ“. И для одинокаго, для отжившаго „все, что нравилось, ласкало, давало надежду—шумъ дождя, раскаты грома, мысли о счастьѣ, разговоры о любви—все это становится однимъ воспоминаніемъ“, и впереди „ровная пустынная даль: на равнинѣ ни одной живой души, а тамъ на горизонтѣ темно, страшно“.

Самое печальное въ жизни, въ уходящей жизни, это — нравственное опустошеніе, которое она производитъ въ насъ самихъ. Мы обманули свои собственныя прекрасныя надежды и обѣщанія; потускнѣли, поблѣднѣли все впечатлѣнія бытія, опошлелись и поблекли наши чувства, и духовная старость оледенила все пылкія стремленія, все благородныя замыслы. Каждый разъ природа опять чиста и нова, и утромъ такъ свѣжъ росистый садъ, — а наше утро исчезаетъ навсегда, и нѣтъ обновленія усталому сердцу. И какъ это грустно смотрѣть на бѣлый вишневый садъ, на длинную аллею, которая блеститъ въ лунныя ночи, и думать о томъ, что дѣтство и чистота улетѣли навѣки, и грезить о томъ, что „покойная мама идетъ по саду въ бѣломъ платьѣ“, — но нѣтъ, это не мама, это „склонилось

бѣлое деревцо, похожее на женщину“. „О, мое дѣтство, чистота моя! Въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастье просыпалось вмѣстѣ со мной каждое утро, и тогда уже онъ былъ точно такимъ, ничего не измѣнилось. Весь, весь бѣлый. О, садъ мой!.. Опять ты молодъ, полонъ счастья, ангелы небесные не покинули тебя. Если бы снять съ груди и плечъ моихъ тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!“

Ангелы небесные не покидаютъ вишневаго сада, и къ саду возвращается его бѣлая молодость, его чистая весна. Но невозвратно бѣлое человѣка. И сознаніе его утраты налагаетъ свою тѣнь на всю дальнѣйшую жизнь. Бѣлые цвѣты вишневаго сада и призрачная мама въ бѣломъ платьѣ оттѣняютъ все, что ссть темнаго въ душѣ у Раневской, и горько, и стыдно ей думать о Парижѣ, о томъ, что въ немъ было и что еще будетъ. Чистота умерла. Но, можетъ быть, послѣ того какъ умереть и сама Раневская, на ея могилѣ, какъ и надъ бѣдной героиней „Старости“, будетъ стоять „маленькій бѣлый памятникъ“ и будетъ смотрѣть на прохожихъ „задумчиво, грустно и такъ невинно, словно подъ нимъ лежитъ дѣвочка, а не распутная, разведенная жена“?..

Чистота, бѣлое умираетъ, и жутко, и страшно заглядывать въ глубину собственной совѣсти, какъ жутко стало герою „Дуэли“ Лаевскому. „Онъ вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ во время грозы онъ съ непокрытой головой выбѣгалъ въ садъ, а за нимъ гнались двѣ бѣловолосыя дѣвочки съ голубыми глазами, и ихъ мочилъ дождь; онѣ хохотали отъ восторга, но когда раздавался сильный ударъ грома, дѣвочки доврчиво прижимались къ мальчику, онъ крестился и спѣшилъ читать: „святъ, святъ, святъ!“ О, куда вы ушли, въ какомъ вы морѣ утонули, зачатки прекрасной чистой жизни? Грозы ужъ онъ не боится и природы не любить, Бога у него нѣтъ, всѣ доврчивыя дѣвочки, какихъ онъ зналъ когда-либо, уже сгублены имъ и

его сверстниками, въ родномъ саду онъ за всю свою жизнь не посадилъ ни одного деревца и не вырастить ни одной травки, а живя среди живыхъ... только разрушалъ, губилъ и лгалъ, лгалъ..."

Раневская, Лаевскій и всѣ падшіе имѣютъ еще силы переносить самихъ себя. Но семнадцатилѣтній юноша Володя себя не перенесъ. То нечистое, что въ него проникло, наполнило его острымъ стыдомъ, и его убилъ этотъ стыдъ передъ собою, передъ пошлостью родной матери, передъ пошлостью любимой женщины, очарованіе которой исчезло въ нѣсколько мгновеній. Онъ видѣлъ солнечный свѣтъ и слышалъ звуки свирѣли; солнце и свирѣль говорили ему, что „гдѣ-то на этомъ свѣтѣ есть жизнь чистая, изящная, поэтическая,—но гдѣ она?“ И только вспомнились Володѣ Біаррицъ и двѣ дѣвочки-англичанки, съ которыми онъ когда-то бѣгалъ по песку. И тѣ же дѣвочки, символъ всего чистаго и прекраснаго, вѣроятно, пронеслись въ его темнѣвшемъ воображеніи, когда онъ спустилъ курокъ револьвера и полетѣлъ въ какую-то „очень темную, глубокую пропасть“.

Такъ долженъ былъ Володя прервать короткую нить своихъ искаженныхъ дней; но Чеховъ и вообще показать, какъ рано блекнутъ наши дѣти. Онъ любитъ ребенка; утомленный и скорбный, онъ ласково держитъ за руку довѣрчивое и удивляющееся дитя и глубоко, съ доброй улыбкой заглядываетъ въ его маленькую душу; но много печальныхъ страницъ посвятилъ онъ описанію того, какъ „невыразимо-пошрое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божья гаснетъ въ нихъ и они становятся похожими другъ на друга мертвецами“. Искра Божья гаснетъ въ дѣтскомъ сердцѣ, потому что оно въ испугѣ и недоумѣніи сталкивается съ пошлостью взрослого человѣка, съ драмою жизни. Не только гибнутъ Варька и Ванька, которымъ спать хочется и ѣсть хочется и которые напрасно зываютъ о защитѣ къ міровому дѣдушкѣ, но и тѣ дѣти, которые вырастаютъ въ обезпеченной средѣ, морально погибаютъ,

зараженные неисцѣлимой пошлостью. И когда-то нѣжныя, кудрявыя, мягкія, какъ ихъ бархатныя куртки, они сдѣлаются сами взрослыми людьми; и когда мертвые похоронятъ своихъ мертвыхъ и равнодушный ораторъ произнесетъ надъ ними свою нелѣзную рѣчь, они, эти новые отпрыски старыхъ корней, пополняютъ собою провинціальную толпу человѣчества и станутъ жителями чеховскаго города. Въ этой нравственной провинціи нѣтъ ни одного честнаго, нѣтъ ни одного умнаго человѣка, и бездарные архитекторы безвкусовыхъ домовъ строятъ здѣсь клѣтки для оцѣпенѣлыхъ душъ, и на все налегаетъ грузная, безнадежная, густая пелена обыденности. И пошлость какъ спрутъ обвиваетъ каждаго, и часто нѣтъ силъ бороться противъ ея насилія. По слову Тютчева, пошлость людская безсмертна; но, сама безсмертная, она мертвитъ все, къ чему ни прикасается. Она останавливаетъ живое творчество духа, она силой бездушнаго повторенія обращаетъ въ механизмъ и рутину то, что должно бы быть вѣчно новое, вѣчно свѣжее, вѣчно первое. Остановка духа именно потому и оскорбительна, что подвижность составляетъ самое существо его. Отъ пошлости стынутъ и гаснутъ слова, чувства, мысли; она заставляетъ людей употреблять однѣ и тѣ же фразы и прибаутки, изъ которыхъ вынуты понятія; она заставляетъ тяжело переворачивать въ умѣ однѣ и тѣ же выдохшіяся идеи, и всѣ цвѣты жизни, весь садъ ея, она претворяетъ въ нѣчто искусственное, бумажное, безуханное. Особенно мертво то, что притворяется живымъ, и пошлое тѣмъ ужаснѣе, что оно выдаетъ себя за живое. Оно считаетъ себя правымъ, оно не сознаетъ своей мертвенности и самодовольно, безъ сомнѣній, распоряжается въ подвластной ему широкой сферѣ.

Оттого пошлость и была лютымъ врагомъ чуткаго, безостановочно-духовнаго и творческаго Чехова. Въ теченіе всей своей недолгой жизни онъ, какъ писатель, боролся съ нею; она гналась за нимъ по пятамъ,

и онъ постоянно слышалъ за собой ея тяжелое, ея мертвое дыханіе. Ея не избыть, отъ нея не оградиться. Вотъ на святкахъ мать диктуетъ Егору, оставшему солдату, письмо къ дочери и вятю, и она хочетъ, страстно хочетъ излить все свои лучшія материнскія чувства, послать свое благословеніе, сказать самое ласковое, дорогое, заветное—а Егоръ, „сама пошлость, грубая, надменная, непобѣдимая, гордая тѣмъ, что она родилась и выросла въ трактиръ, сидитъ на табуретѣ, раскинувъ широко ноги подъ столомъ, сытый, здоровый, мордатый, съ краснымъ затылкомъ“, сидитъ и пишетъ—что онъ пишетъ! „Въ настоящее время, какъ судьба ваша черезъ себя определила на Военное Попрыще, то мы Вамъ советуемъ заглянуть въ Уставъ Дисциплинарныхъ Взысканій и Уголовныхъ Законовъ Военнаго Ведомства, и Вы усмотрите въ ономъ Законе цивилизацію Чиновъ Военнаго Ведомства“... Вотъ Андрей, „охваченный нѣжнымъ чувствомъ“, сквозь слезы говоритъ своимъ сестрамъ: „милая мои сестры, чудныя мои сестры! Маша, сестра моя“,—а въ это время растворяется окно и выглядываетъ изъ него... пошлость, выглядываетъ Наташа и кричитъ: „кто здѣсь разговариваетъ такъ громко?.. *Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours*“... Вотъ идетъ архитекторъ подъ руку съ дочерью, милой дѣвушкой, и говоритъ ей о звѣздахъ, о томъ, что даже самыя маленькія изъ нихъ—цѣлыя міры, и при этомъ онъ указываетъ на небо тѣмъ самымъ зонтикомъ, которымъ давеча избилъ своего взрослого сына. Безутѣшна мать, у которой убили единственнаго ребенка; но священникъ, „поднявъ вилку, на которой былъ соленый рыжикъ, сказать ей; Не горюйте о младенцѣ. Таковыхъ есть царство небесное“. Пошлость разнообразна. Ея не перечислишь, ея не уловишь.

Только отъ дѣвушекъ вѣетъ нравственной чистотою, и многія сохраняютъ ее навсегда; свѣтлыя женскіе образы встаютъ передъ нами въ произведеніяхъ

Чехова, обвѣянные лаской, какой они не знали со временъ Тургенева; и, можетъ быть, среди нихъ, въ кругу милыхъ трехъ сестеръ, которыя стали нашими общими сестрами, около тоскующей чайки, Анюты изъ „Моей жизни“ и Ани изъ „Вишневаго сада“, меркнутъ всѣ эти попрыгуны, супруги и Аріадны, напоминающія своей холодной любовной рѣчью „пѣніе металлическаго соловья“, и эта дочь профессора изъ „Скучной исторіи“, которая когда-то дѣвочкой, любила мороженое, а теперь любить Гнеккера, молодого человѣка съ выпуклыми глазами, молодого человѣка, олицетворяющаго собою пошлость...

Обыватели пошлаго города, граждане всесвѣтной глуши, или уживаются, мирятся съ обыденностью, и тогда они счастливы своимъ мѣщанскимъ счастьемъ, или они подавлены ею, и тогда они несчастны, тогда они—лишніе, обойденные. Но большинство счастливы, и на свѣтѣ въ сущности очень много довольныхъ людей, и это на свѣтѣ самое печальное. Въ тишинѣ вялаго прозябанія они мечтаютъ о своемъ крыжовникѣ, и они получаютъ его; кислыми ягодами крыжовника отгораживаются они отъ остальнаго міра, отъ міра страдающаго, и не стоитъ у ихъ дверей человѣкъ съ молоточкомъ, который бы стучалъ, стучалъ и напоминалъ объ окружающей неправдѣ и несчастьи. Были и есть люди съ великими молоточками слова — Чеховъ принадлежитъ къ ихъ благородному сонму; изъ-за нихъ человѣчество не засыпаетъ окончательно, убаюканное шумомъ дней, довольное своимъ крыжовникомъ. Но многіе, многіе сидятъ въ своихъ футлярахъ, и никакое слово не пробудитъ ихъ отъ вялой дремоты. Они робки и боятся жизни въ ея движеніи, въ ея обновленіи.—Впрочемъ, страхъ передъ нею, страхъ передъ тѣмъ, что она „трогаетъ“, конечно, еще не влечетъ за собою нравственнаго паденія. Въ русской литературѣ есть классическая фигура человѣка, который пугался жизни, бѣжалъ отъ нея подъ защиту Захара, на свой широкій диванъ,—но въ то же время

онъ былъ кротокъ, нѣженъ и чистъ голубиной чистотою. Пѣна всяческой низменности клокотала вокругъ Обломова, но къ нему не долетали ея мутныя брызги. А Бѣликовъ, который тоже смущался и трепеталъ передъ вторженіемъ жизни, черезъ это впадалъ не только въ пошлость, но и въ подлость. И вотъ почему на могилу Обломова, гдѣ дружеская рука его жены посадила цвѣтущую сирень, русскіе читатели до сихъ поръ совершаютъ духовное паломничество, а Бѣликова, говоритъ рассказчикъ, пріятно было хоронить. Правда, Чеховъ совсѣмъ не убѣдилъ насъ, что ославленный учитель греческаго языка долженъ былъ въ силу внутренней необходимости отъ своего страха перейти къ доносамъ и всяческой низости. Этого могло и не быть: боязнь жизни и робкое одиночество совмѣстимы съ душевной чистотою. „Человѣкъ въ футлярѣ“ вообще — произведеніе слабое; напрасно и не безъ вульгарнаго отгѣнка издѣваясь надъ тѣмъ, что Бѣликовъ умиленно произносилъ чудныя для его слуха греческія слова, рассказчикъ совсѣмъ упустилъ изъ виду то мученіе, которое долженъ былъ переносить человѣкъ, всего боявшійся и страдавшій бредомъ преслѣдованія. Но зато на многихъ другихъ страницахъ Чеховъ, къ сожалѣнію, слишкомъ убѣдительно показалъ своихъ горожанъ въ презрѣнномъ ореолѣ трусливости и мелочнаго приспособленія къ требованію обстоятельствъ и властныхъ людей.

А тѣ, кто не приспособляется, тоскливо бредутъ по жизни, которая кажется имъ скучной и грубой исторіей, смѣной однотонныхъ даей, какимъ-то нравственнымъ „третьимъ классомъ“ или городомъ Ельцомъ, гдѣ „образованные купцы пристають съ любезностями“. Они тащатъ свою жизнь „волокомъ, какъ безконечный шлейфъ“. Неприспособленныхъ, какъ и самого Чехова, словно угнетаетъ вѣчный законъ повторенія. Все въ мірѣ уже было, и многое въ мірѣ, несмотря на истекшія вѣка, осталось неизмѣннымъ. Остались неизмѣнными горе и неправда, и въ спокойное зеркало вселенной

какъ бы смотрится все та же тоскующая міровая и человѣческая душа. Подъ глубокимъ слоемъ пепла лежали сожженные лавой древніе Геркуланумъ и Помпеи, но подъ этой пеленою картина прежней жизни осталась такою же, какъ ее захватила, какъ ее оставила текучая лава. Такъ и подъ слоемъ всѣхъ новшествъ и повинокъ, какія приобрѣло себѣ человѣчество, Гамлетъ-Чеховъ видитъ все то же неисцѣлимое страданіе, какъ оно было и въ то „безконечно-далекое, невообразимое время, когда Богъ носился надъ хаосомъ“.

Самая непрерывность и повторяемость людскихъ происшествій уже налагаетъ на нихъ, въ глазахъ Чехова, отпечатокъ пошлаго. Праздничная атмосфера счастья и весны окружаетъ у Толстого дѣвушку-невѣсту, Кити Щербацкую или Наташу Ростову; а чеховской невѣстѣ говорятъ слова любви,—но сердце ея остается холодно и уныло, и ей кажется, что все это она уже давно слышала, очень давно, или читала гдѣ-то въ романѣ, въ старомъ, оборванномъ, давно заброшенномъ романѣ. Она, тоскуя, проводитъ бессонныя ночи, и ей невыносима эта вновь отдѣланная квартира, ея будущее жилище, эта обстановка и картина извѣстнаго художника, которую самодовольно показываетъ ей счастливый женихъ. Что же? Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ человѣчество состарилось, и хотя всякій живетъ за себя, начинаетъ свои дни и труды сызнова, все же на каждомъ изъ нашихъ переживаній, на каждомъ событіи нашего душевнаго бытія, лежитъ отпечатокъ того, что все это уже было и столько невѣсть уже испытало свое весеннее чувство? Быть можетъ, въ глубинѣ нашей безсознательной сферы созрѣлъ ядовитый плодъ усталости, и плечи человѣчества утомились грузомъ исторіи, тяжестью воспоминаній? Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ міръ истрепался, поблѣднѣлъ, и мы, наследники и преемники безчисленныхъ поколѣній, уже не имѣемъ силы воспринимать настоящее во всей свѣжести и яркой праздничности его впечатлѣній?

Кто знает? Несомненно, что здѣсь Чеховъ подходит къ самымъ предѣламъ человѣческаго въ его отличіи отъ природы. Каждая весна, которая „въ условный часъ слетаетъ къ намъ свѣтла, блаженно равнодушна“, сіяетъ безсмертіемъ и не имѣетъ „ни морщины на челѣ“:

Цвѣтами сыплеть надъ землею,
Свѣжа какъ первая весна;
Была ль другая передъ нею—
О томъ не вѣдаетъ она.
Но небу много облакъ бродятъ,
Но эти облака—ея:
Она и слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весень бытія.
Не о быломъ вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поетъ,
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ;
И страхъ кончины неизбежной
Не свѣтъ съ древа ни листа.
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

„Не о быломъ вздыхаютъ розы и соловей въ ночи поетъ“, а человѣкъ—сплошное воспоминаніе, и бывшее тѣсно переплетается у него съ настоящимъ и кладетъ свои тѣни, свое отмершее на минуту текущую. И какъ ни прекрасенъ май, „милый май“, но онъ—повтореніе прежняго, и теряетъ свою цѣнность, свою свѣжесть монета жизни, когда-то блестящая, когда-то прекрасная.

Впрочемъ, если вѣрить старому пастуху, играющему на „больной и испуганной“ свирѣли, и сама природа уже не обновляется, она умираетъ, „всякая растенія на убыль пошла, и міру не вѣкъ вѣковать: пора и честь знать, только ужъ скорѣй бы! нечего канителить и людей попусту мучить“. Великій Панъ умираетъ.

раетъ. Послѣ него остается безпросвѣтное уныніе. „Обидно на непорядокъ, который замѣчается въ природѣ“. Жалко міра. „Земля, лѣсъ, небо... тварь всякая—все вѣдь это сотворено, приспособлено, во всемъ умственность есть. Пропадаетъ все ни за грошъ. А пуще всего людей жалко“. И чувствуется для вселенной „близость того несчастнаго, ничѣмъ не предотвратимаго времени, когда земля, какъ падшая женщина, которая одна сидитъ въ темной комнатѣ и старается не думать о прошломъ, томится воспоминаніями о веснѣ и лѣтѣ и апатично ожидаетъ неизбѣжной зимы; когда поля становятся темны, земля грязна и холодна, когда плакучая ива кажется еще печальнѣе, и по стволу ея ползутъ слезы, и лишь одни журавли уходятъ отъ общей бѣды, да и тѣ, точно боясь оскорбить унылую природу выраженіемъ своего счастья, оглашаютъ поднебесье грустной, тоскливой пѣсней“.

Чеховскіе лишніе люди изнемогаютъ подѣ гнетомъ повторенія, подѣ тяжестью времени, и въ этомъ заключается ихъ нравственная слабость. Ибо душа богатая на однообразіе внѣшняго міра отвѣчаетъ разнообразіемъ внутреннихъ впечатлѣній, и непрерывно развертывается ея безконечный свитокъ. Недаромъ Киркегоръ моральную силу человѣка понимаетъ какъ способность и любовь къ повторенію. Для датскаго мыслителя въ первомъ, эстетическомъ, періодѣ жизни мы по ней порхаемъ, касаемся ея поверхности то въ одной, то въ другой точкѣ, все пробуемъ, ничѣмъ не насыщаемся, бѣжимъ отъ всякой географической и психологической осѣдлости, въ каждую минуту „имѣемъ наготовѣ дорожные сапоги“; мы требуемъ какъ можно больше любви, но не надо дружбы, не надо брака, и изъ каждой чаши сладостны только первые глотки. Этичедскій же періодъ характеризуется повтореніемъ, его символизируетъ бракъ, и тогда прельщаетъ не пестрота чужой дали, а свое родное однообразіе, и тогда душа становится глубокой въ своей сосредоточенности.

Чеховскіе лишніе герои не находятъ себѣ удовле- творенія въ этомъ второмъ періодѣ, не выдерживаютъ искуса повторенія, и жизнь протекаетъ для нихъ какъ осенній дождь, удручающій въ своей монотонной ка- пели. Они не умѣютъ взрастить своего внутренняго вишневаго сада, и спротивными тѣнями идутъ они по міру. Изнеможенные повтореніемъ, его не осилившіе смѣною внутреннихъ обновокъ, они пускаютъ свою ладью на волю жизненныхъ волнъ, потому что ихъ собственная воля блѣдна и слаба; она, „какъ под- стрѣленная птица, подняться хочетъ и не можетъ“. И въ жизни, кипящей заботами и трудомъ, они ни- чего не дѣлаютъ.

Чеховъ любитъ изображать людей недѣлающихъ. Недѣланіе проникаетъ у него въ самые разнообразныя круги общества и даже въ такую среду, демократиче- скую и рабочую, гдѣ трудъ, казалось бы, является чѣмъ-то естественнымъ. Студентъ Петя Трофимовъ зо- веть любимую дѣвушку и всѣхъ людей къ новой жизни, къ новой работѣ, къ необычному труду, но самъ онъ никакъ не можетъ кончить университетскаго курса, самъ онъ ничѣмъ не занимается.

Лишніе герои Чехова не вѣрують въ дѣло своей жизни и плетутся по ней съ потушенными огнями. Но только ли словомъ укоризны должны мы бросить въ его недѣлающихъ людей? Или, быть можетъ, ихъ бездѣйственное отношеніе къ міру въ своемъ конеч- номъ основаніи имѣетъ глубокой и глубоко-чистый источникъ?

Къ „недѣланію“ призывалъ насъ еще раньше ве- ликій писатель. Толстой не хотѣлъ, конечно, пропо- вѣдовать лѣни, онъ не требовалъ отъ насъ, чтобы мы праздно сложили бездѣятельныя руки и предоставили міръ его собственному теченію. Но онъ говорилъ намъ, что шумная суетолока дѣла, работы, профессіи отвле- каетъ насъ отъ мысли о великомъ и важномъ. Под- хлестываемые бичомъ нужды и реальныхъ потребно- стей, мы бѣжимъ по землѣ, все время только строимъ

жизнь, лепимъ изъ ея глины свои хрупкія подѣлки, но о ней не думаемъ; мы только воздвигаемъ подмостки для своей жизненной пьесы, и у насъ уже не остается досуга и силъ для того, чтобы сыграть ее самое. Намъ некогда. Въ суетѣ своего повседневнаго занятія и муравьиного строительства мы не размышляемъ о его послѣдней цѣли и не предаемся безкорыстной вдумчивости. И на закатѣ нашихъ торопливыхъ дней окажется, что, погруженные въ свое дѣло, мы ни разу не взглянули жизни въ ея глубины, въ ея загадочные глаза, и мы уйдемъ изъ міра безъ міросозерцанія, уйдемъ въ тягостномъ недоумѣніи передъ его смысломъ и тайной. Зачѣмъ же и куда мы спѣшили, во имя чего мы работали, не покладая рукъ, и, склоненные къ землѣ, никогда не смотрѣли въ небеса?

Безспорно, что подобныя мысли о великомъ недѣланіи должны были жить въ созерцательной душѣ Чехова, и потому онъ отворачивался отъ „ненужныхъ дѣлъ“, изъ-за которыхъ жизнь становится „безкрылой“. Устами своего художника онъ требуетъ, чтобы всѣ люди имѣли также время „подумать о душѣ, о Богѣ, могли пошире проявить свои духовныя способности“. Онъ любитъ „умное, хорошее легкомысліе“, онъ радъ за чуднаго старика о. Христофора, во всю свою жизнь не знавшаго ни одного такого дѣла, „которое, какъ удавъ, могло бы сковать его жизнь“.

Кромѣ того, дѣлаютъ дѣятели, но дѣлаютъ и дѣльцы. Чеховъ дорожитъ тѣмъ, что онъ не любитъ въ человѣкѣ дѣльца. Онъ презираетъ „дѣловой фанатизмъ“, который заставляетъ не только дядю Егорушки, но и богатаго Варламова озабоченно „кружиться“ по степи, между тѣмъ какъ эта степь исполнена такой волшебной красоты, такихъ несравненныхъ очарованій. Но за отарами овецъ, за туманомъ житейскихъ расчетовъ, ея не чувствуютъ, не замѣчаютъ, и обиженная степь, тоскуя, сознаетъ, что „она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнутъ даромъ для міра, ни-

къмъ не воспѣтыя и никому ненужныя, и сквозь радостный гулъ слышнѣе ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!“ Поэтъ Чеховъ слышалъ этотъ призывъ и воспѣлъ ее дивными словами, но все же степь находится въ плѣну у плантаторовъ и дѣльцовъ, у Варламова, у тѣхъ, кто кружится по ней въ дѣловой пляскѣ хозяйственной заботы.

Да, Чеховъ какъ будто не любилъ, не понималъ дѣла. Онъ не любилъ дѣятеля, который себя сознаетъ и цѣнитъ, который хлопочетъ; онъ не любилъ строгой Лиды, которая бѣднымъ помогала вовсе не такъ граціозно и поэтически, какъ пушкинская Татьяна, и благодаря которой „на послѣднихъ земскихъ выборахъ прокатили Балагипа“. Онъ не воплотилъ гармоніи между дѣломъ и мыслью, и въ концѣ жизни знаменитаго профессора, выдающагося дѣятеля, оказывается, что онъ не имѣлъ общей идеи, бога живого человѣка, что духъ его какъ будто не участвовалъ въ искусной работѣ его знаній и таланта. Дѣло рисовалось Чехову въ образѣ дѣльца, въ неприглядномъ видѣ Боркина, антипода Иванову; дѣло символизировалось для него ключами отъ хозяйства, кружовеннымъ вареньемъ, которое столь удобно для экономическаго угощенія и которое въ концѣ концовъ пропадаетъ, засахаривается, какъ у Варвары изъ „Оврага“. Въ каждомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ непріятный отбѣнокъ хлопотливости и суеты, привкусъ какого-то шумнаго безпокойства, которое недостойно медлительной и величавой думы человѣка. И хозяйству, дѣлечеству онъ противопоставалъ не дѣятельность, а бездѣліе. Дѣловитость весела, жизнерадостна, пошла, какъ Боркинъ, или же она тупа своей „бездарной и безжалостной честностью“, какъ докторъ Львовъ или фонъ-Корень, а бездѣліе изящно, меланхолично, грустно, и оно поднимаетъ своихъ жрецовъ высоко надъ суетливой толпою.

Но Чеховъ и самъ чувствовалъ, какъ несправедливо такое распредѣленіе психологическихъ красокъ; онъ сознавалъ, что не Боркиными ограничивается дѣло

жизни и что далеко не всё лишніе люди—люди желанные. У него есть и случайные, правда, силуэты настоящих дѣятелей; напримѣръ, не похожъ на Боркина и не похожъ на доктора Львова тотъ другой, прекрасный докторъ изъ „Бѣглеца“, который своей притворной суровостью трогательно маскировалъ свою безконечную доброту и ласку къ бѣдному мальчику Пашкѣ и, вѣроятно, ко всемъ бѣднымъ мальчикамъ на свѣтѣ. И, что еще важнѣе, Чеховъ самъ не разъ каралъ себя за свое художественное пристрастіе къ тоскующимъ героямъ бездѣлія и безволія. Вѣдь это онъ написалъ почти каррикатурный образъ Лаевскаго изъ „Дуэли“, вѣдь это у него Ивановъ горько насмѣхается надъ своей „гнусной меланхоліей“, надъ игрой въ Гамлета. Медленной походкой идетъ чеховскій Ивановъ по жизни, и отъ его мертваго прикосновенія гибнутъ женщины; земля его глядитъ на него „какъ сирота“, вся русская земля глядитъ на него какъ сирота и ждетъ не дождется его,— а онъ, лѣнивый и вялый, позорно жалуется на свое переутомленіе, на то, что подіялъ онъ бремя непосильное и не соблюлъ душевной гігіены. Онъ не только лишній. Онъ не кротокъ, какъ лишній Обломовъ: послѣдній только самъ легъ въ безвременную могилу, онъ никого не оскорбилъ, никого не убилъ, а Ивановъ въ изможденное лицо своей умирающей жены бросилъ „жидовку“ и бросилъ смертный приговоръ. И докторъ Андрей Ефимовичъ тоже не былъ дѣятелемъ; онъ много читалъ, онъ много думалъ, но въ жизни онъ не принималъ участія и оставался равнодушнымъ зрителемъ того, что дѣлалось въ палатѣ № 6, гдѣ надъ стихійнымъ ужасомъ люди воздвигли еще свое искусственное и ненужное страданіе, поставили сторожа Никиту, „скопилъ насиліе всего міра“. Изъ-за того, что онъ не могъ одолѣть всего зла и насилія въ мірѣ, онъ и въ окружающую жизнь не вносилъ ни крупицы добра, и когда Иванъ Дмитричъ, великій страстотерпецъ номера шестого, разрывая жалостью всякое сердце, въ

минуту просвѣтлѣнія мечтательно говорить, что давно уже онъ не жилъ по-человѣчески, что хорошо было бы теперь проѣхать въ коляскѣ куда-нибудь за городъ и потомъ полѣчиться отъ головной боли,— Андрей Ефимовичъ въ своемъ преступномъ недѣланіи, подавленный разсужденіями, не свезъ бѣднаго мученика за городъ подышать весною и не сталъ лѣчить его отъ головной боли... Вообще, Чеховъ самоотверженно показалъ въ близкомъ его сердцу лишиствѣ человѣкъ все, что есть въ немъ отрицательнаго и жестокаго, все, что есть въ немъ злополучнаго для себя и для другихъ. Чеховъ зналъ все, что можно сказать противъ лишихъ,— особенно тамъ, гдѣ нужны столы, многіе, гдѣ нужно столь многое.

И все же иные его лишніе въ основномъ направленіи и настроеніи своего духа выше полезныхъ. Они погружены въ недѣланіе потому, что не смѣютъ воспользоваться жизнью; они созерцаютъ, они думаютъ о ней, они чувствуютъ ее и тихо приближаются къ ея фактическому содержанію,— а торопливая жизнь между тѣмъ ускользаетъ, и они оказываются ненужными, обойденными; и вишневые сады, и женскія сердца переходятъ въ другія, болѣе расторопныя и цѣпкія руки. Жизнь не терпитъ раздумья, созерцанія, мысли; нѣтъ, она говоритъ человѣку: „люби меня безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой“. И непосредственныя натуры жадно прилипаютъ къ ней своими немудрествующими устами. Въ этомъ, быть можетъ, есть особая красота и мудрость, но это вырождается и въ животную привязанность къ текущей минутѣ, къ заботѣ и злобѣ дня; это—источникъ всяческаго мѣщанства, пошлости и рутины. И кто торопится навстрѣчу жизни, тотъ не станетъ думать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ, а лишніе объ этомъ думаютъ и тѣмъ безконечно возвышаются надъ жизнелюбивой толпой. Они не расчищаютъ себѣ дороги въ сутолокѣ человѣческаго торжища, они не толкаются и не „размахиваютъ руками“. Они — аристократы духа,

и въ нихъ таится благородное наслѣдіе датскаго принца. Въ траурныхъ одеждахъ своей „тоски и думы роковой“ не снѣша идутъ они среди торопливыхъ и, занятые своимъ внутреннимъ міромъ, не замѣчаютъ пестраго говора жизни. Воля, направленная на внѣшнее дѣло, тихо дремлетъ у нихъ; зато не умолкаетъ нѣжное, тонкое чувство, и, „прижавшись къ праху въ сознаньи горькаго безсилія“, они тоскуютъ по высшей красотѣ и правдѣ. Они не удовлетворены, и благо имъ за ихъ великую неудовлетворенность! Они тяготеютъ къ идеалу, къ своей правдивенной Москвѣ, и если, правда, они не прилагаютъ мощныхъ усилій къ тому, чтобы осуществить свои „безкрылыя желанія“, если изъ-за этого они не дѣятели, то ужъ во всякомъ случаѣ они и не дѣльцы, не практикы. На шумномъ торжищѣ людской корысти, среди крикливыхъ и суетливыхъ, среди расчетливыхъ и умудренныхъ они оказываются лишними людьми. Но какъ „премудрость міра — безумье предъ судомъ Творца“ и не Марѳа, пекущаяся о многомъ, а Марія знаетъ единое на потребу, такъ, быть можетъ, на иную, высшую оцѣнку и эти лишніе окажутся наиболѣе нужными.

И не будемъ ихъ карать: вѣдь они сами, они первые падаютъ жертвами своего безволія. Жизнь сама ихъ наказываетъ, и они гибнутъ. Простимъ ихъ бездѣятельность. 22 августа продадутъ ихъ вишневый садъ, — люди дѣла предупреждаютъ ихъ объ этомъ, совѣтуютъ что-нибудь предпринять: „думайте, думайте!“ Но они не думаютъ. Для каждаго изъ насъ настанетъ свое 22 августа, день расплаты, день разлуки, — но мы боремся противъ его грозящей тѣни и всячески его отодвигаемъ. А лишніе люди Чехова безропотно идутъ къ нему навстрѣчу. И 22 августа продадутъ ихъ садъ, ихъ домъ, „старого дѣдушку“, — а вѣдь разстаться съ домомъ, это значитъ разбить свою душу, потому что „милый, наивный, старый“ домъ Чеховъ всегда изображаетъ какъ гиѣздо человѣческой души (онъ „много видалъ ихъ на своемъ вѣку, — большихъ

и малыхъ, каменныхъ и деревянныхъ, старыхъ и новыхъ“); живыми глазами смотреть на него окна мезонина, и на вещахъ осѣдаетъ безмолвный отпечатокъ нашихъ интимныхъ переживаній. Докторъ Андрей Ефимовичъ неправъ въ своемъ безучастіи къ дѣлу жизни, но вѣдь его и сразила жизненная Немезида; такой поклонникъ ума, онъ сталъ безуменъ и самъ попалъ въ № 6, отъ котораго никому нельзя зарекаться, и тамъ онъ погибъ отъ ударовъ сторожа Никиты и отъ мученій своей проснувшейся совѣсти, которая оказалась такой же „несговорчивой и грубой“, какъ и жестокий сторожъ. Не бросимъ камня въ бездѣятельнаго Иванова: онъ уже наказанъ, онъ самъ вычеркнулъ себя изъ списка живыхъ и застрѣлилъ себя въ день своей свадьбы. И за то, что художникъ былъ празденъ, за то, что онъ былъ только пейзажистъ, Лида, жестокая въ своей дѣловитости, услала отъ него прелестную Женю, его маленькую блѣдную королеву, которую онъ нѣжно цѣловалъ въ грустную августовскую ночь, когда свѣтила луна и пугали обильно падавшія звѣзды; и вотъ онъ теперь одинъ, праздный пейзажистъ, и въ тоскѣ своего одиночества онъ зоветъ свою любовь: „Мисюся, гдѣ ты?“. Ему кажется, что она вспоминаетъ о немъ, что она его ждетъ, — но, можетъ быть, Лида выдала ее замужъ за человѣка дѣятельнаго, за энергичнаго земца?..

Такъ лишніе за свое бездѣліе и безволіе находятъ себѣ кару. И тѣмъ болѣе привлекаютъ они къ себѣ. Наивные и безкорыстные, они ушли отъ суеты, — „не размахиваютъ руками и бросили въ колодезь ключи отъ хозяйства“. Какъ Соломонъ изъ „Степи“, спалившій въ печкѣ свои деньги и за это ославленный сумасшедшимъ, они свое безучастіе къ жизни искупили своимъ страданіемъ и своей нравственной чистотой. Чеховъ вложилъ имъ въ души глубокое пренебреженіе къ выгодамъ и житейскому расчету. Они, дѣйствительно, отбросили далеко ключи отъ хозяйства, эти страшные ключи, которые гремятъ на поясѣ у

хозяйки и гремучими змѣями проникають въ сердце, отравляя чувства и помыслы. Они знаютъ, что когда Богъ призоветъ къ себѣ стараго Ѳедора Степаныча („Три года“), Онъ спроситъ его не о томъ, какъ онъ торговалъ и хорошо ли шли его дѣла, а о томъ, былъ ли онъ милостивъ къ людямъ. Для нихъ мучительно смотрѣть, какъ экономная тетя Даша, звеня браслетами на обѣихъ крѣпкихъ и деспотическихъ рукахъ, носится по своей хозяйственной державѣ, съ очень серьезнымъ лицомъ цѣлый день варить варенье и цѣлый день заставляетъ прислугу бѣгать и хлопотать около этого варенья, „которое будетъ ѣсть не она“, прислуга. Лишніе люди не сѣютъ и не жнутъ, но зато они и не хозяйничаютъ. А для ихъ духовнаго творца, Чехова, быть можетъ, нѣтъ фигуры болѣе пошлой, чѣмъ именно хозяйинъ. Но писатель возвышеннаго, онъ показалъ хозяйство не только въ его обыденныхъ низинахъ, не только въ его чичиковской неприглядности,—онъ явилъ его намъ и въ ореолѣ кровавомъ, въ отблескѣ зловѣщаго. Аксинья изъ „Оврага“ это—воплощенное хозяйство въ его трагизмѣ, это—кульминація дѣловитости въ ея ужасѣ. Аксинья—хозяйка-преступница. „Красивое, гордое животное“, „змѣя, выглядывающая изъ молодой ржи“, она рано встаетъ, поздно ложится и весь день бѣгаетъ въ погреба, амбары и лавку, гремя ключами; и ради нихъ, ради этихъ ключей, она обварила кипяткомъ ребенка Липы, единственное достояніе кроткой, безотвѣтной, безхозяйственной женщины, и послѣ этого „послышался крикъ, какого еще никогда не слыхали въ Уклеевѣ“, отъ какого, быть можетъ, еще никогда не содрогалось и сердце русскаго читателя... И обваренный кипяткомъ, маленький Никифоръ, душа котораго носится вверху, около звѣздъ, расскажетъ Богу, что творится на суетной землѣ, что дѣлаетъ на ней хозяйство. И въ концѣ-концовъ хозяйство гибнетъ; оно распадается,—все равно, въ поэтической ли формѣ вишневаго сада или въ грязной лавкѣ Цыбукина, который въ концѣ своей

темной торгашеской жизни не умѣть отличить настоящихъ рублей отъ фальшивыхъ, подаренныхъ ему роднымъ сыномъ. Въ концѣ хозяйственной жизни, при ея тускломъ и несправедномъ свѣтѣ, нельзя отличить истины отъ лжи. Оттого лишніе люди и не этимъ жалкимъ свѣточемъ руководятся въ своемъ бездомномъ и чистомъ существованіи. И всѣмъ завѣщаютъ они освободить свою душу отъ мелочныхъ заботъ, отъ безсмертной пошлости и прозы, отъ хозяйственного сора; печально уходя изъ ставшаго чужимъ вишневаго сада, они оставляютъ глубокой завѣтъ—бросить въ колодезь ключи отъ хозяйства.

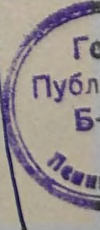
Непрактичные и неспособные къ дѣлу, лишніе люди Чехова любятъ слова,—теплыхъ, высокія, хорошія слова, которыя живутъ въ каждой человѣческой груди, но цѣломудренно прячутся, потому что окружающая жизнь приметъ ихъ удивленно и холодно, — ей довольно словъ только будничныхъ и обыкновенныхъ. Между тѣмъ, хочется говорить. Хочется говорить о чемъ-нибудь великомъ и важномъ, „о Шиллерѣ, о славѣ, о любви“. Душа взволнована и жаждетъ слова. Изъ рамокъ временнаго и низменнаго стремится она къ высокому: это—одинъ изъ обычныхъ мотивовъ чеховской музы. И онъ находитъ себѣ осуществленіе не въ тѣхъ умныхъ разговорахъ и рѣчахъ, которые нерѣдко встрѣчаются на страницахъ у Чехова, недостаточно глубокіе и оригинальные: нѣтъ, онъ сказывается преимущественно въ томъ чарующемъ лиризмѣ и въ тѣхъ порывахъ къ вѣчному, которые осѣняютъ его героевъ.

Но въ чеховскомъ городѣ, среди людей, „говорящихъ свою чепуху“ и записывающихъ свои мысли въ жалобную книгу, книгу мудрости обывателей, — съ кѣмъ же можно говорить о Шиллерѣ, о славѣ, о любви? Въ пошломъ царствѣ кто же отзовется на такой разговоръ? Для того чтобы удовлетворить свою тоску по возвышенной бесѣдѣ, свое желаніе говорить и слышать великія слова, надо уйти отъ здоровыхъ и счаст-

ливыхъ, надо уйти отъ нормальныхъ въ палату № 6. Только тамъ, среди безумныхъ и несчастныхъ, докторъ Андрей Ефимовичъ, которому часто снились умные люди и бесѣды, говорилъ и слышалъ то, что нужно человѣческому духу; только тамъ, въ зловѣщей палатѣ кошмара и страданія, нашелъ онъ сердце и великодушіе, которыхъ не было въ городѣ; и изъ однихъ безумныхъ, но благородныхъ устъ изливались тамъ пламенные рѣчи о „насиліи, попирающемъ правду, о прекрасной жизни, какая со временемъ будетъ на землѣ, объ оконныхъ рѣшеткахъ, напоминающихъ каждую минуту о тупости и жестокости насильниковъ“,—и получалось „безпорядочное, нескладное покурри изъ старыхъ, но еще недоѣтыхъ пѣсень“.

И Ковринъ тоже сѣтовалъ, что у него похитили счастье безумія. Онъ упрекалъ своихъ родныхъ, что его лѣчили, что благодаря этому исчезли для него экстазъ и вдохновеніе и пересталъ къ нему являться въ рамкѣ смерча блѣдный черный монахъ со скрещенными руками на груди и, въ благословенной галлюцинаціи, пересталъ говорить ему дивныя рѣчи о томъ, что онъ, Ковринъ, геніаленъ, что онъ безсмертенъ, что великій удѣлъ ожидаетъ человѣчество. Ковринъ хотѣлъ безумія, искалъ миража. Правда, въ свои предсмертныя мгновенія онъ возжаждалъ нормальнаго, простого, „онъ звалъ Таню, звалъ большой садъ съ роскошными цвѣтами, обрызганными росой, звалъ паркъ, сосны съ мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смѣлость, звалъ жизнь, которая была такъ прекрасна“.

И Чеховъ тоже звалъ жизнь, и для него она тоже была прекрасна. Въ этомъ заключается его благородное и великое своеобразие. Писатель сумерекъ, онъ страстно любилъ солнце, и въ міръ пришелъ онъ, говоря словами поэта, чтобъ видѣть это солнце и синій кругозоръ. Онъ не потому груститъ, чтобы дѣйствительность представлялась ему какъ нѣчто мрачное и зловѣщее въ своей глубинѣ. Онъ не брюзга и не

пессимистъ. Затаенная, застѣчивая радость жизни переливается въ его произведеніяхъ, и никто тоньше его не понималъ и не чувствовалъ всего, что есть на землѣ поэтичнаго и отраднаго. Въ лунномъ свѣтѣ меланхолин, въ ея задумчивомъ колоритѣ изобразилъ онъ міръ, но міръ приобрѣлъ отъ этого только новую красоту. Въдѣ „такъ хорошѣ и мягокъ лунный свѣтъ“, и чаруетъ даже его „колыбель“—кладбище съ бѣлыми крестами и памятниками; на кладбище „въ глубокомъ смиреніи смотрятъ съ неба звѣзды, сонныя деревья склоняютъ свои вѣтви надъ бѣлымъ, и здѣсь нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную“. И среди могилъ думается о прекрасномъ, о живомъ: „сколько здѣсь зарыто женщинъ и дѣвушекъ, которыя были красивы, очаровательны, которыя любили, сгорали по ночамъ страстью, отдаваясь ласкѣ, и бѣлѣютъ уже не куски мрамора, а прекрасныя тѣла, которыя стыдливо прячутся въ тѣни деревьевъ“...

Чеховъ имѣлъ, какъ онъ выражается, продолжительныя очныя ставки съ тихими лѣтними ночами; онъ любилъ ту природу, которая боится „проспать свои лучшія мгновенья“; онъ любилъ тѣ минуты ея, когда наканунѣ праздника „собираются отдыхать и поле, и лѣсъ, и солнце,—отдыхать, быть можетъ, молиться“; и когда онъ проѣзжалъ по унылой степи міра, ему приходили на память степныя легенды, всѣ прекрасныя грезы, которыми живетъ и дышитъ міръ, всѣ плѣнительныя сказки бытія, и тогда въ голубомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, чудились ему „торжество красоты, молодость, расцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни,—душа давала откликъ прекрасной, суровой родинѣ и хотѣлось летѣть вмѣстѣ съ ночною птицей“.

Полетъ ночной птицы надъ заснувшей землею былъ ему вообще отраденъ и дорогъ, потому что, кромѣ солнца,

любилъ онъ и ночь, „благополучную ночь“, когда „ангелы-хранители, застилая горизонтъ своими крыльями, располагаются на ночлегъ“, и когда грезится Чехову какой-то млечный путь изъ человѣческихъ душъ. Онъ зналъ мистику ночи, и были понятны ему тютчевскіе мотивы, стихійное вѣяніе космическаго. „Златотканный покровъ“ дня, сіяющую ткань его парчи, распускаетъ ночью міровая Пенелопа, и вселенная отъ этого является иное зрѣлище. Ночью міръ не пошлъ. Ночью съ него спадаетъ денная чешуя обыденности, и онъ становится глубже и таинственнѣе; вмѣстѣ съ звѣздами ярче и чище загораются огоньки человѣческихъ сердець,—вѣдь „настоящая, самая интересная жизнь у каждаго человѣка проходитъ подъ покровомъ тайны, какъ подъ покровомъ ночи“, и Чеховъ вообще понималъ людей глубже, чѣмъ они кажутся себѣ и другимъ. Ночью земля принимаетъ загадочныя очертанія, и всѣ будничные предметы, всю спокойную прозу современности душа претворяетъ въ идеальное. Далекіе огни въ полѣ напоминаютъ лагерь филистимлянъ; мнятся великаны и колесницы, запряженные шестерками дикихъ, бѣшеныхъ коней; въ жизнь переходятъ рисунки изъ Священной исторіи, и встрѣчныхъ во тьмѣ спрашиваетъ Липа: „вы святые?“—и тѣ, не удивленные, отвѣчаютъ; „нѣтъ, мы изъ Фирсанова“. Глубокій, истинный міръ ночного разрушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства. Сближаются настоящее и прошлое. Одинокій огонь костра бросаетъ свой мистическій свѣтъ на далекое, на ушедшее, и въ нынѣшнюю ночь, близкую къ Пасхѣ, воскресаетъ другая, давнишняя, памятная міру ночь въ Геосиманскомъ саду,—„воображаю: тихій-тихий, темный-темный садъ, и въ тишинѣ едва слышатся глухія рыданія“: то рыдаетъ Петръ, трижды отрекшійся отъ Христа. А въ пасхальную ночь Чеховъ поминаетъ того монаха Николая, „симпатичнаго поэтическаго человѣка“, который выходилъ „по ночамъ перекликаться съ Іеронимомъ и пересыпалъ свои акаѣисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца“; онъ

былъ непоцѣтъ и одинокъ—мечтаетъ Чеховъ—у него были мягкія, кроткія и грустные черты лица, и въ его глазахъ свѣтилась ласка и едва сдерживаемая дѣтская восторженность. Чеховъ съ невыразимой нѣжностью понимаетъ всю скорбь смиреннаго Герояима, который потерялъ въ безвѣстномъ сочинителѣ акаѣстовъ своего друга и теперь, въ святую ночь, долженъ перевозить на паромѣ богомольцевъ, вмѣсто того чтобы самому быть въ церкви, слушать пѣснопѣнія и „жадно пить своей чуткой душой красоту святой фразы“. Чеховъ понимаетъ его, потому что и самъ онъ своей чуткой душой тоскуетъ по нѣжной и сладкой красотѣ акаѣиста. И онъ тоже хотѣлъ бы воспѣть его міру, пересыпать его цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, „чтобы въ каждой строчекѣ была мягкость и ласковость“...

И вообще, въ глазахъ Чехова, въ его печальныхъ глазахъ, міръ былъ достоинъ акаѣиста. Чеховъ зналъ всю неуловимую отраду жизни, все обаяніе молодости, всю нѣгу страсти и любви, неотразимой и непобѣдимой, и прелесть утра, и наивную красоту и умиленіе ребенка, и вѣчно свѣжій росистый садъ, и уютъ родного дома, и тонкія руки дѣвушки, просвѣчивающія сквозь широкіе кисейные рукава, и восторженную душу шестнадцатилѣтней Нади Зелениной, которая вернулась изъ театра послѣ „Евгенія Онѣгина“ и вся дышитъ искрометнымъ счастьемъ, вся полна молодого смѣха. По его произведеніямъ разлита безпредѣльная нѣжность человѣческихъ отношеній, и все эти сестры и братья, невѣсты и возлюбленные, дяди и племянницы говорятъ у него другъ другу такія сладкія и ласковыя слова, отъ которыхъ замираетъ очарованное сердце,—слова, за которыя полюбила Константина изъ „Степи“ три года не любившая его красавица. И эту же нѣжность переноситъ онъ и на природу, и ему же кажется, что даже „сонные тюльпаны и ирисы тянутся изъ темной травы, точно прося, чтобы и съ ними объяснились въ любви“...

Все это онъ зналъ и чувствовать, любить и благословлялъ; все это онъ опахнулъ своею лаской и озарилъ тихой улыбкой своего юмора. И въ то же время на него глядѣла „тонкая красота человѣческаго горя“ и вся его глубина; и въ то же время онъ былъ на Сахалинѣ и видѣлъ самый предѣлъ человѣческаго униженія и несчастья,—и Сахалинъ былъ для него островомъ только географически, а въ нравственномъ смыслѣ вѣдь это все тотъ же материкъ нашей злополучной жизни, нашей духовной каторги.

„Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчей, и длинныя облака, красныя и лиловыя, сторожили его покой, протянувшись по небу... У самаго пруда въ кустахъ, за поселкомъ и кругомъ въ полѣ заливались соловьи. Чьи-то года считала кукушка и все сбивалась со счета, и опять начинала. Въ прудѣ сердито, надрываясь, перекликались лягушки, и даже можно было разобрать слова: „И ты такова! И ты такова!“ Какой былъ шумъ! Казалось, что всѣ эти твари кричали и пѣли нарочно, чтобы никто не спалъ въ этотъ весенній вечеръ, чтобы всѣ, даже сердитыя лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: вѣдь жизнь дается только одинъ разъ!.. О, какъ одиноко въ полѣ ночью, среди этого пѣнія, когда самъ не можешь пѣть, среди непрерывныхъ криковъ радости, когда самъ не можешь радоваться, когда съ неба смотреть мѣсяцъ, тоже одинокій, которому все равно, весна теперь или зима, живы люди или мертвы“...

Море отражаетъ въ себѣ лунный свѣтъ и въ сочетаніи съ нимъ образуетъ „какое согласіе цвѣтовъ, какое мирное, покойное и высокое настроеніе!“ „Глядя на великолѣпное, очаровательное небо, океанъ сначала хмурится, но скоро самъ пріобрѣтаетъ цвѣта ласковые, радостные, страстные, какіе на человѣческомъ языкѣ и назвать трудно“, — а въ это время (мы уже видѣли) въ глубинѣ океана происходитъ встрѣча Гусева и акулы.

Какой же здѣсь возможенъ синтезъ и какъ дать міру общую оцѣнку, вынести ему опредѣленный приговоръ? Вы чувствуете, что гдѣ-то здѣсь, по близости, въ степи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ вами, есть кладъ, есть счастье, но какъ его найти? Или счастье фантастично? И существуетъ оно гдѣ-то внѣ жизни? Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ отъ прикосновенія къ реальности блекнетъ всякій идеаль, и „надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо?“ Моментъ внѣжизненнаго, посторонняго, моментъ созерцательнаго отношенія къ жизни вѣдь такъ часто встрѣчается у Чехова.

Онъ не оставилъ цѣльнаго міровоззрѣнія, и намъ приходится самимъ выбирать между той радостью и той горестью жизни, которая онъ одинаково изобразилъ въ своихъ книгахъ. Для ума здѣсь остается великое недоумѣніе, и спокойные цвѣта океана, природу ликующую или природу равнодушную, мы не можемъ примирить съ тоскою и скорбью, съ немолчнымъ безпокойствомъ человѣка. „Если бы знать... если бы знать...“ — вздыхаютъ сестры. Но мы не знаемъ. И тайна окружаетъ насъ. Порывы къ вѣчному, которое лучезарно, проникающая міръ красота, — и плѣнь у смерти и ужаса, плѣнь у временнаго и пошлаго, которое такъ опасно для духа: черезъ эту бездну, черезъ это роковое зіяніе можетъ перекинуть мостъ одна только вѣра.

И знаменательно то несомнѣнное, что не тѣ, кто стоитъ на берегу и видитъ чужую гибель, но сами гибнущіе, сами страдающіе все-таки славятъ у Чехова жизнь, надѣются на нее и трогательно питаютъ къ ней глубокое довѣріе. Въ тихую ночь утихаетъ даже безмѣрное горе Липы, въ тихую и прекрасную ночь вѣрится, что, какъ ни велико зло, „все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы

слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью“.

Все на землѣ терпѣливо ждетъ слиянія съ правдой и милосердіемъ. И тѣнушка, у которой разбили сердце, которая пережила застѣнчивую обиду и горе дурянушки, находить въ себѣ силы для того, чтобы утѣшать другого несчастнаго, своего дядю Ваню. Она вѣруеть, вѣруеть горячо, страстно. И она кладетъ свою утомленную голову на руки дяди, и увѣряетъ его, что Богъ сжалятся надъ ними, что они увидятъ жизнь свѣтлую и прекрасную, что они съ умиленіемъ и улыбкой оглянутся на свои теперешнія несчастья, — они отдохнутъ. „Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ... Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ. Мы отдохнемъ“.

Все человѣчество, какъ бѣдный дядя Ваня, не знало въ своей жизни радостей, — оно утомлено за свои долги и страдальческіе вѣка. Его усталость Чеховъ изобразилъ въ краскахъ великой печали. Но Чеховъ вѣрилъ въ безсмертный отдыхъ человѣчества.

И самъ онъ теперь отдохнулъ. Онъ отдохнулъ отъ грубости, которая его оскорбляла, отъ человѣческой скорби, которой питался его духъ, отъ смѣшного и горькаго, — онъ отдохнулъ.

И мы теперь не знаемъ, намъ Чеховъ не скажетъ, дѣйствительно ли онъ увидѣлъ все небо въ алмазахъ, дѣйствительно ли онъ слышалъ пѣніе ангеловъ. Кто уходитъ изъ жизни, тотъ уноситъ съ собою великую тайну, великую разгадку тайны... Но одно уже онъ сказалъ намъ на маленькихъ страницахъ своихъ глубокихъ твореній: онъ сказалъ, что хотя и нависла надъ жизнью зловѣщая туча нелѣпицы и несчастья, хотя всяческіе ключи отъ хозяйства замыкаютъ душу для безкорыстнаго и вѣчнаго, для высокаго и радостнаго, но сквозь этотъ злой туманъ обыденности проникаютъ и смотрятся алмазы небесныхъ звѣздъ, алмазы благодатныхъ идеаловъ, и по нимъ великой

тоскою тоскуетъ неудовлѣворенная и неудовлѣворимая человѣческая душа. И мы знаемъ еще, что отнынѣ, среди этихъ свѣтилъ, тихими и кроткими лучами грусти и упованія будетъ нѣжно сіять надъ родною землею образъ Чехова, незакатная звѣзда его чистаго имени...

